

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ STUDIES ON CHINESE HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Научная статья / Research article

Структурно–содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.)

И.А. Зайцев¹, И.С. Колнин²

¹Институт Стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11

²Институт Востоковедения Российской Академии Наук,
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Аннотация. Настоящая работа является продолжением двух опубликованных ранее работ, посвященных исследованию биографии Чжао Жугуа 趙汝适 (1170–1231 гг.), автора китайского историко-географического источника *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев»; 1225 г.) [1; 2]. Цель статьи заключается в исследовании эпитафии Чжао Жугуа, что подразумевает разбор историко-археологических особенностей памятника (размер и материал), а также структурного анализа текста источника. В отличие от предыдущих работ надпись разбирается и как текстологический источник, и объект материальной культуры, что позволяет оценить контекст создания источника и степень детализации биографии усопшего.

Ключевые слова: Чжао Жугуа, погребальные эпитафии, паратекст, захоронение, социальная принадлежность

Для цитирования: Зайцев И.А., Колнин И.С. Структурно-содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 77–95. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of *Zhufan zhi* (“Records of Foreign Peoples”; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source

I.A. Zaitsev¹, I.S. Kolnin²

¹The Institute of Asian and African Countries at Lomonosov Moscow State University,
11, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

²The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031

Abstract. The present work is a continuation of two previously published articles in which the biography of Zhao Rugua 趙汝适 (1170–1231), the author of *Zhufan zhi* 諸蕃志 (“Records of Foreign Peoples”; 1225) an important historical geographical source about the foreign lands during the Song dynasty (960–1279), was studied through the usage of the text of his funeral epitaph as well as other historical sources. They also included the translation of the text of inscription into Russian and English [1; 2]. The goal of this article is to deepen the study of Zhao Rugua’s funeral epitaph by researching the material features of the source, analyzing the structure of the text and comparing it with other similar sources of Medieval China. In contrast with the previous works the inscription in this article is analyzed both as a textual source and as an object of material culture which enables to understand the context of the creation of the source as well as the extent of detalization of the deceased’s biography.

Keywords: Zhao Rugua, funeral epitaphs, paratext, burial, social background

For citation: Zaitsev I.A., Kolnin I.S. Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of *Zhufan zhi* (“Records of Foreign Peoples”; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(1):77–95. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95

Погребальные эпитафии: общие сведения

Погребальные эпитафии являются важным источником по социальной истории средневекового Китая. Эти источники представляют собой уникальные биографические сведения об аристократическом и служилом сословии. Их ценность заключается в детальной репрезентации действующих лиц: информации о дате рождения того или иного человека, родовой принадлежности, сведений биографического характера (история продвижения по службе, факт и время сдачи государственных экзаменов, уход в отставку и дата кончины). Все это делает возможным широкое использование эпитафий не только для изучения биографий конкретных исторических деятелей, но и для освещения масштабных социальных процессов в средневековом Китае.

В китайских эпитафиях принято выделять два основных типа: *Мучжи* и *мучжимин*. Они могут отличаться друг от друга по особенностям захоронения и специфике содержания. *Мучжи*, в отличие от *мучжимин*, наносилось на специальную пластину, которая помещалась в погребение вместе с гробом. *Мучжимин*, в свою очередь, наносилась на надгробную стелу и возвышалась

над погребением. По особенностям содержания *мучжимин* содержит сведения о биографии усопшего в прозе, а значимые достижения покойного воспевались в стихах. В *мужжи* стихотворная составляющая текста отсутствовала, а жизнь усопшего описывалась лишь в прозаической форме. В эпитафиях *мучжимин* объем всего текста превосходил памятники *мужжи*.

Из-за отсутствия стихотворного компонента и лаконичности текста эпитафию Чжао Жугуа следует отнести к *мужжи* [3. С. 361].

В средневековом Китае существовала специализированная отрасль, преуспевавшая в профессиональном изготовлении погребальных эпитафий: как пластин и футляров, так и в составлении текстов надписей. В этой сфере были задействованы специально обученные писцы и каллиграфы, принимавшие частные заказы на создание текстов об усопшем [4. Р. 30–31].

Процесс создания эпитафий был многоэтапным. Сначала родственник усопшего делал заказ на составление текста у обученного писца-литератора. Далее текст составлялся на недолговечном носителе и проходил редакцию у заказчика, затем передавался каллиграфу и «подгонялся» под соответствующие каллиграфические требования и размер камня, который заказчик был в состоянии оплатить (1) [5]. Далее текст наносился резчиком на шлифованную поверхность камня, после чего на памятник надевали специальный защитный чехол-футляр, предназначенный для защиты от эрозии. Только после этого эпитафия вместе с футляром помещалась в усыпальницу [4. Р. 28].

По определению американского синоведа А. Диттера, в средневековом Китае создание погребальных надписей имело две конкретные цели: фиксацию истории жизни усопшего на долговечном материале, а также атрибуцию конкретного погребения во избежание его случайного уничтожения [4. Р. 31].

В ходе анализа текста подобных памятников важно осознавать, что их нельзя рассматривать в качестве полноценных биографических источников. Тексты эпитафий писались на заказ и могли преподносить фигуру усопшего в необходимом для заказчика свете: как в отрицательном, так и в положительном [4. Р. 37–42]. Именно поэтому для получения более целостной картины эпитафии следует рассматривать в совокупности с письменными памятниками.

В мировой синологии на средневековые китайские эпитафии как один из важных источников, дающих сведения о религиозной системе средневекового Китая, одним из первых обратил внимание голландский ученый Я.Я.М. Де Гроот (1854–1921 гг.) [6. Р. 1101–1164]. Более детально они разбирались в работах Б. Босслер, Н. Такетта, А. Диттера и А. Шоттенхаммер в качестве источников по динамике социальных процессов в средневековом Китае [7; 8; 4; 9; 10]. История становления *мучжимин* как исторического и литературного жанра рассматривалась в монографии Т. Дэйвиса [11]. В работах М. Фонг эпитафии разбирались как археологический источник [12].

В отечественном востоковедении изучение китайских средневековых эпитафий не нашло широкого распространения. Данные памятники кратко рассматривались в коллективной монографии М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова [13. С. 191–195]. Отдельные могильные эпитафии также были предметом специальных исследований, а их текст переводился на

русский язык. К таким относится надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая 耶律楚材 (1189–1243 гг.), советника Чингисхана и Угэдэя, изучением которой занимался Н.Ц. Мункуев (1922–1985 гг.) [14]. Вторым примером может служить надгробная стела христианина Ай Сюэ 愛薛 (1227–1308 гг.), который добился высокого положения при монгольском дворе за свою исправную службу. Ее исследовал С.В. Дмитриев [15].

Археологическая характеристика эпитафии Чжао Жугуа

Эпитафия Чжао Жугуа представляет собой шлифованную с лицевой стороны прямоугольную плиту длиной в 99 см, шириной в 67 см и толщиной 5 см (2). Материалом для изготовления памятника послужил известняк.

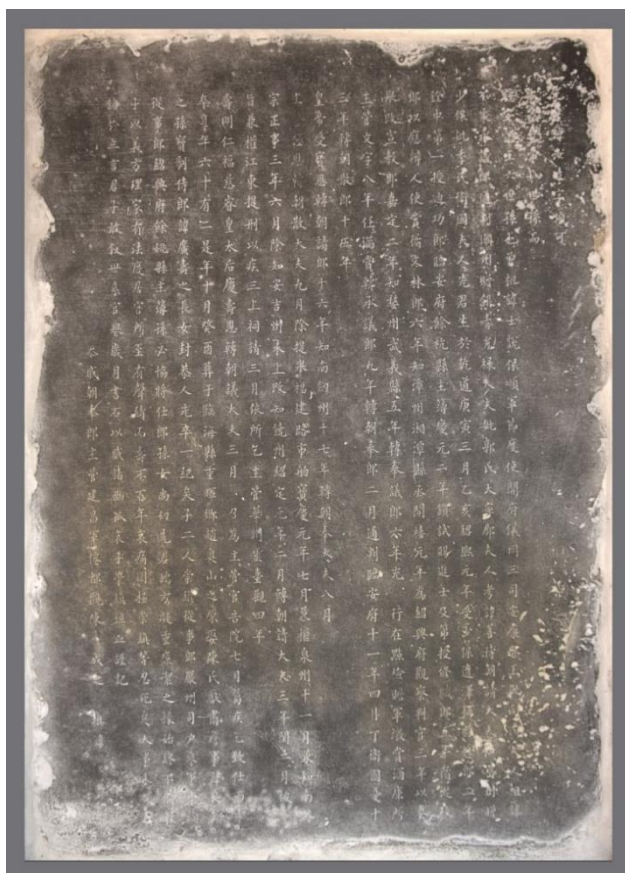

Рис. 1. Эстампаж плиты

Надпись была случайно обнаружена крестьянами в 1983 г. в волости Линвай, районе Датянь 大, уезде Линьхай 临海 провинции Чжэцзян, деревне Линвай 岭外. В этот же год надпись была эстампирована. Факсимиле эпитафии, а также ее краткое описание были опубликованы в 10-м номере журнала «Каогу» 考古 («Археология») за 1987 г. [16] (3).

Футляр эпитафии так и не был найден, равно как и не удалось обнаружить гробницу самого Чжао Жугуа (4).

На поверхность камня нанесен текст интальо в виде 21 вертикального столбца общим объемом 608 иероглифов, стиль написания *кайшу* 楷書 («уставное письмо»). Такой объем текста вписывается в общие стандарты объема средневековых китайских эпитафий, но явно не относится к числу самых подробных (5).

Соответствуя китайской модели записи текста, 21 столбец в эпитафии Чжао Жугуа неравномерно по высоте заполняет поверхность камня, оставляя значительные пробелы. Отметим, что максимальное количество иероглифов (36) зафиксировано в столбцах № 3–7, 9, 12 и 16–19. Минимальное число иероглифов (8) встречается в первых двух столбцах.

Первые два столбца представляют преамбулу к остальному тексту, т.е. содержат ключевые сведения о почившем:

«Прижизненное имя моего покойного отца – Жугуа, второе имя (цзы) – Бокэ, потомок императора Тайцзуна в восьмом поколении, а также...»

先君諱汝适字伯可，

太宗皇帝八世孫而……

В первом столбце представлены сведения об именах скончавшегося, а во втором – о его принадлежности к императорскому роду. Начинаящий новое придаточное предложение союз *эр* 而, который переводится конструкцией «а также», скорее всего помещен во второй столбец, чтобы число иероглифов в первом и втором столбцах совпадало. Отметим, что дальнейшая информация о генеалогии рода Чжао Жугуа *«потомок пувана Аньи в шестом поколении...»* идет на уровне обычного текста без специальных отступов. Вероятно, в первую очередь надо было подчеркнуть, что Чжао Жугуа был прямым потомком императора, поэтому этот текст вынесен во второй отдельный столбец, а описание остальной генеалогии не являлось столь важным и в тексте эпитафии не выделено отдельно от основного текста.

При изучении расположения текста на поверхности камня несложно заметить, что количество иероглифов в разных столбцах варьируется. Такие пропуски, именуемые *тайтоу* 抬頭 или *тайсе* 抬寫, являлись общепринятой практикой в официальных бумагах и других документах, предназначенных для чтения другими лицами. Их оставляли перед упоминанием высокопоставленного лица и в других случаях в качестве выражения уважения (6). Существовало несколько разных видов таких «пропусков», в эпитафии Чжао Жугуа встречаются два из них.

В первом случае перед началом следующего столбца идет пропуск в предыдущем столбце, в последнем не заполнена нижняя часть столбца (т.е. следующий иероглиф пишется с «красной строки»). Такой отступ связан с тем, что очередной столбец, как правило, начинается с того, как Чжао Жугуа императорским двором или же самим императором/императрицей была пожалована вышестоящая должность или звание. В таком случае с упоминания

императора/императрицы или императорского двора начинается следующий столбец, а предыдущий остается не заполненным до конца. Такой отступ называется *пинтай* 平抬.

Эта практика наблюдается в 10-м столбце (столбец заканчивается перед фразой «*император одарил [его] редкой милостью...*» 皇帝受寶恩……), 11-м (прерывается перед фразой «*[благодаря] крайней милости верхов...*» 上登極恩……), 13-м (прерывается перед упоминанием «высочайшего указа»: «*был ... по высочайшему указу по совместительству назначен...*» 被……旨兼權……) и 14-м (следующий столбец начинается с упоминания милости вдовствующей императрицы: «*вдовствующая императрица Ян поздравила его с днем рождения и [одарила] милостью...*» 壽明仁福慈睿皇太后慶壽恩……).

Как правило, при упоминании императора/императрицы и императорского двора использовался другой тип пропуска, *шуантай* 雙抬, где помимо написания иероглифа с новой строки он также писался на две строчки выше остального текста. Однако использование одного или иного вида пропуска могло варьироваться и не было строго регламентировано. Например, в позднеминских историко-географических описаниях заморских земель при упоминании императора/императрицы и императорского двора также использовался пропуск *пинтай* [19. Р. 72].

Во втором случае в эпитафии присутствуют пропуски-разрывы внутри столбцов размером в 1 иероглиф, именуемые *кунтай* 空抬. Таких случаев два:

В 8-ом столбце на месте 25-ого иероглифа:

«*На 6-й год (1213) занял ... должность главного смотрителя продовольственного (винного) склада для снабжения армии*» 六年充……行在點檢贍軍激賞酒庫所主管文字

И в 15-ом столбце на месте 20-ого иероглифа:

«*На 3-й месяц ... был приглашен заведовать Гуаньгаоюань*» 三月……召為主管官告院

Похоже, такой вид пропусков использовался при назначении Чжао Жугуа на новую должность, но в случаях, когда назначение происходило не со стороны императорского двора, а от нижестоящих инстанций (7).

Такие пропуски создавались при изготовлении надписи и были сделаны намеренно, что наблюдается и в других эпитафиях.

По ширине текст полностью покрывает поверхность камня, оставляя расстояние по краям. Верхний и нижний правые углы памятника, как и нижний левый, незначительно запачканы известкой, что создает трудности для чтения текста.

По нашему мнению, исследуемая известняковая плита была изготовлена специально под фиксированный объем текста, который были в состоянии оплатить потомки Чжао Жугуа. Об этом свидетельствуют несколько факторов: во-первых, текст практически полностью покрывает поверхность

камня по ширине, оставляя минимальное расстояние по краям, что сводило к минимуму возможность нанесения дополнительных текстов в будущем; во-вторых, на поверхности камня отсутствуют исправленные или стертые фрагменты текста, нанесенного ранее, что могло бы указывать на повторное использование ранее изготовленной стелы (8).

В стоимость создания эпитафии входило не только изготовление известняковой пластины, но и футляра, обрамлявшего пластину сверху, для защиты текста от эрозии, а также возможного предотвращения осквернения имен, представлявших особую важность. По бокам на такие футляры наносились элементы декора, а по центру стилем *чжуаньшунь* большого размера высекалось имя покойного и/или его титул [12. Р. 45; 11. Р. 4–5]. Но, как мы уже писали выше, футляр погребальной *мучжи* Чжао Жугуа так и не был обнаружен.

Структурно-содержательные особенности источника

Структуру текста эпитафии можно представить в виде последовательности из шести компонентов: 1) описание генеалогии рода; 2) описание биографии усопшего в ключе его карьерного роста; 3) упоминание факта похорон; 4) упоминание родственников усопшего; 5) восхваление достижений усопшего; 6) указание автора текста надписи.

Обратимся к исследованию количественной оценки каждого из компонентов внутри текста источника.

Таблица 1

Количественная оценка структурных компонентов в тексте

№ компонента	Число иероглифов в компоненте (ед.)	Общее число иероглифов (без паратекстов, ед.)	Процент %
1	97	608	16
2	345		57
3	49 (19+30)		8
4	67		11
5	40		6
6	10		2

Помимо выделения структурных компонентов погребальной надписи авторы склонны отметить и наличие паратекста. Паратексты – это особая категория текстов, которые представляют собой совокупность дополнений и пояснений, прилагаемых к основному тексту.

В качестве паратекста мы рассматриваем текст, расположенный в левом углу плиты в 21 столбце, отличный по смыслу и оформлению от основного текста. Внутри паратекста можно выделить две части:

1. Упоминание имени, титула и должности заполнившего табуированные иероглифы в тексте эпитафии (18 иероглифов): «Недостойный скорбящий Чэнь Чэнчжи 陳成之, чаофэнлан, заведующий [даосским храмом]

Сяньдугуань 仙都觀 в Цзяньчанцзюнь 建昌軍, заполнил табуированные иероглифы» 忝戚朝奉郎主管建昌軍仙都觀陳成之填諱 (9);

2. Упоминание имени резчика (4 иероглифа): «Выгравировал Ван Шаоцзу» 王紹祖刊.

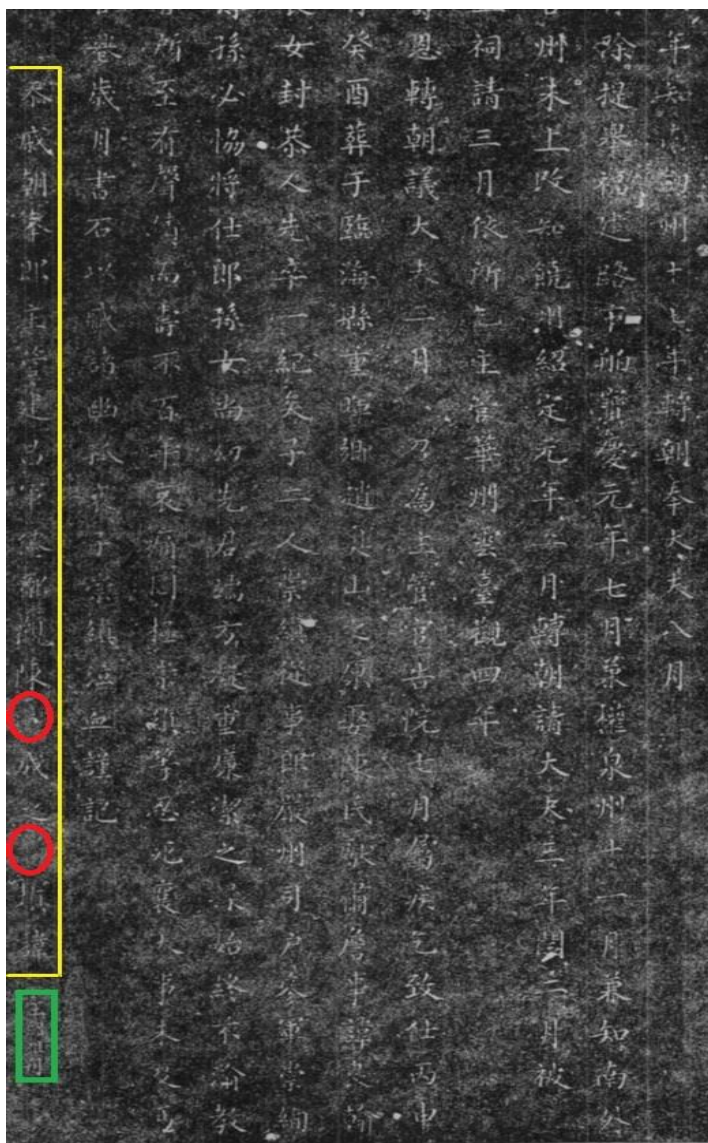

Рис. 2. Эстампаж эпитафии. Паратексты

По смыслу фразы «Недостойный скорбящий Чэнь Чэнчжи, чаофэнлан, заведующий [даосским храмом] Сяньдугуань в Цзяньчанцзюнь, заполнил табуированные иероглифы» и «Выгравировал Ван Шаоцзу» не имеют прямого отношения к основной идее текста эпитафии – описания жизни и смерти Чжао Жугуа, а носят дополнительный разъяснительный характер. По своему оформлению имя заполнившего табуированные иероглифы, Чэнчжи 成之,

отделено от остального текста двумя равными по размеру пропусками: после его фамилии Чэнь 陳 и перед словами «заполнил табуированные иероглифы» 填諱. Фактически это опять же два пропуска типа *кунтай*, сделанных с целью показать уважение к этой персоне и его личному имени.

Размер всех четырех иероглифов об авторстве гравировщика меньше размера остальных иероглифов в основном тексте и не выделен какими-либо пропусками помимо того, что он написан немного поодаль от предыдущего словосочетания. Вероятно, значимость фигуры резчика была гораздо ниже, нежели Чэнь Чэнчжи.

Оба паратекста выделены нами прямоугольными областями (желтым – первый, зеленым – второй), а пропуска, выделяющие имя заполнившего табуированные иероглифы – окружностями (см. рис. 2).

В китайских литературных памятниках и в погребальных надписях сохранение пространства для табуированных иероглифов с его последующим заполнением являлось распространенной практикой. Как правило, табуированными иероглифами наносилось личное имя императора, имена предков из своего рода и т.д.

В рассматриваемом нами памятнике Чэнь Чэнчжи мог заполнить за Чжао Чунчжэня личное имя усопшего, а также других предков, которые перечисляются в генеалогии рода (10). Примечательной особенностью эпитафии Чжао Жугуа является и то, что в ней отсутствует имя каллиграфа, придававшего иероглифам особую форму на поверхности камня (11). Такая особенность позволяет предположить, что и в роли каллиграфа, и «автора» табуированных иероглифов мог выступать один человек – Чэнь Чэнчжи.

Сведения о похоронах Чжао Жугуа

Несмотря на тенденцию к детализации биографии усопшего в южносунских эпитафиях, текст погребальной надписи Чжао Жугуа нельзя назвать слишком подробным. Как уже отмечалось ранее, текст в 608 иероглифов вписывается в стандартные рамки южносунских эпитафий, но не может считаться большим и подробным.

В источнике обстоятельства смерти Чжао Жугуа и его похорон описаны крайне скудно. В процентном соотношении данный компонент составляет всего 8%. Столь краткое описание похорон контрастирует с иными схожими памятниками средневекового Китая эпох Тан и Сун (12).

Согласно тексту источника.

...В 7-ом месяце, сославшись на болезнь, просил об отказе от службы. В [день] биншэнь 丙申 скончался (11 августа 1231 г – И.К.), прожил 62 года. В день гуйю 癸酉 10-ого месяца того же года (16 ноября 1231 г.) похоронили у склона горы Чжаоао 趙畧 в волости (деревне) Чжунхуэй 重暉, уезде Линьхай.

七月，屬疾，乞致仕。丙申卒，享年六十有二。是年十月癸酉，葬於臨海縣重暉鄉趙畧山之原。

...Чунчжэнь и остальные, претерпев [такие] людские дела [как] смерть и похороны, еще не успели просить о надписи, чтобы поставить [стелу], которая скажет о благородном муже...

崇績等忍死襄人事，未及丐銘於立言君子……

В приведенном фрагменте представлено лишь общее указание факта смерти Чжао и его места захоронения. На момент закладки эпитафии родственники Чжао Жугуа рассчитывали получить у властей разрешение на установление погребальной стелы, которое они либо не получили (что маловероятно), либо стела была впоследствии разрушена.

Примечательно, что в аналогичных китайских средневековых эпитафиях могли встречаться более предметные описания процесса погребальной церемонии, как, например, покупки места для захоронения, выбора гроба, а также более подробного описания самих похорон (13).

По мнению авторов, столь краткое описание процесса похорон возможно интерпретировать двояко.

Согласно первой интерпретации, родственники Чжао Жугуа по каким-то причинам не были заинтересованы в излишней детализации описания похорон, что, по каким-либо причинам, могло выставить фигуру Чжао в неблагоприятном для потомков свете.

Согласно второй гипотезе для эпитафий императорских родственников эпохи Южной Сун излишняя детализация сведений о похоронах была попросту нехарактерна.

Брак Чжао Жугуа

Эпитафии членов царского рода содержали не только сведения о карьерном росте, но и о женитьбе или замужестве. В Китае периода эпохи Южной Сун члены императорского рода, как правило, заключали браки с представителями элиты с севера, с представителями местной элиты, либо с представителями элиты из других географических районов [21. Р. 162].

В исследуемой нами *мучжи* присутствуют сведения о женитьбе Чжао Жугуа на представительнице рода Чэнь 陳, что позволяет отнести рассматриваемый случай к браку с представителями местной элиты.

Род Чэнь обладал большим влиянием в провинции Чжэцзян. Так, из отдельной главы в разделе *лечжуань* 列傳 («биографии») в *Сун ши* 宋史 («История [империи] Сун») (*цзюань* 387, *лечжуань* 146), посвященной деду супруги Чжао Жугуа – Чэнь Лянханю 陳良翰 (1108–1172), мы узнаем о том, что последний был уроженцем г. Тайчжоу и на пике своей карьеры занимал различные высокие посты государственного уровня [22. С. 8527–8530].

Тесть Чжао Жугуа, Чэнь Гуаншоу 陳廣壽 (1148–1222), был удостоен степени *цзиньши* 進士 в 1172 г., согласно списку уроженцев г. Линьхай, сдавших соответствующий экзамен.

Наличие высокопоставленных чиновников в роду Чэнь может указывать на его влияние в провинции Чжэцзян в конце XII–XIII вв. В таком

контексте брак Чжао Жугуа и дочери Чэнь Гуаншоу, местной аристократки, можно рассматривать как часть выгодной сделки по укреплению имиджа рода Чэнь, а также укреплению позиций рода самого Чжао.

Как мы отмечали ранее, предполагаемым каллиграфом текста, а также «автором» табуированных иероглифов был Чэнь Чэнчжи, вероятно, являвшийся родственником супруги Чжао Жугуа.

Такое совпадение может говорить об отношении Чэня Чэнчжи к роду супруги Чжао и свидетельствовать о близких контактах. Несмотря на возможную дружескую связь, Чэнь Чэнчжи не являлся автором текста погребальной эпитафии Чжао Жугуа, что делает такой случай необычным (14).

Текст исследуемого источника был составлен сыном Чжао Жугуа, Чунчжэнем.

Чжао Чунчжэнь, его социальное положение и предполагаемые отношения с отцом

В Китае периода Южной Сун практика составления текстов погребальных эпитафий предполагала обращение к профессиональным писцам, каллиграфам и резчикам.

Не являлись исключением и случаи, когда эпитафии составлялись от имени старших сыновей усопших, как в случае с танским генералом Ван Чжучи и его сыном. Данный пример свидетельствует о том, что личное авторство погребальных текстов о своих родителях при хороших отношениях между сыном и отцом служило выражением сыновней почтительности, а при наличии конфликтов было удобным способом выставить фигуру отца в желаемом сыновьями свете, умаляя его реальные заслуги (15).

Биография Чжао Чунчжэня, старшего сына Чжао Жугуа, не описывается в эпитафии, за исключением упоминания занимаемой им должности на момент составления ее текста. В конце 1231 г. Чунчжэнь являлся *цуншиланом* 從事郎, чиновником 8-го ранга 29-го разряда, а также занимал должность *сыху цаньцзюнь* 司戶參軍 (16), главного по учету доходов и налогов области Яньчжоу 嚴州 (17).

В китайском чиновничьем аппарате такой ранг, равно как и занимаемая должность, котировались достаточно низко [23. Р. 535]. Иных сведений о Чжао Чунчжэне нам найти не удалось. Вероятно, его карьера не была столь успешной, как у его отца.

При таких скудных сведениях составить полноценную картину взаимоотношений отца и сына достаточно трудно.

Годы службы в Управлении торговых кораблей

Как известно, Чжао Жугуа вошел в историю как автор *Чжу фань чжи*, важного историко-географического сочинения о сопредельных «варварских» территориях к югу, востоку и западу от Китая. Написание такого труда было

под силу не только образованному, но и в определенной степени осведомленному человеку, имеющему доступ к специальным источникам и/или к людям, бывавшим далеко от родного края. Сам Чжао являлся именно таким человеком, поскольку занимал должность Инспектора Управления торговых кораблей (также переводится как «Управление морской торговли») (*тицзюй ши-босы* 提舉市舶司) в Цюаньчжоу, что предполагало доступ к соответствующим документам, а также возможность общения с китайскими купцами, путешественниками или паломниками, регулярно отправляющимися за рубеж.

Несмотря на столь значимый этап в биографии Чжао, его сын не стал подробно освещать эту информацию в тексте эпитафии и коротко упомянул этот период наравне с другими этапами жизни Чжао:

«В 17-м году (1224 – И.К.) переведен [в титул] чаофэн дафу 朝奉大夫. В 8-м месяце [благодаря] крайней милости верхов переведен [в титул] чаосань дафу 朝散大夫. В 9-м месяце назначен на освободившуюся должность Инспектора Управления торговых кораблей в Фуцзяньлу 福建路. В 7-м месяце 1-ого года [эры правления под девизом] Баоцин 寶慶 (1225) совмещал несколько должностей в Цюаньчжоу. В 11-м месяце по совместительству ведал Наньвайцзунчжэн[сы] 南外宗正司...».

十七年，轉朝奉大夫。八月，上登極恩，轉朝散大夫。九月，除提舉福建路市舶。寶慶元年七月，兼權泉州。十一月，兼知南外宗正事。

Примечательно, что такая особенность контрастирует с текстом погребальной надписи отца Чжао Жугуа, Чжао Шаньдая 趙善待 (1138–1188), также служившего в Департаменте торговых кораблей. Сама эпитафия, похоже, была утеряна, но ее текст содержится в 17 цзюане сборника Цзечжай цзи 繫齋集 («Собрание Цзечжай») авторства известного сунского литератора Юань Се 袁燮 (1144–1224; Цзечжай – его псевдоним). В источнике говорится:

«В год цзясюй [эры правления под девизом Шаосин] 紹興 (1154 – И.К.) надзирал над мастерской по изготовлению [вооружения в области] Сымин 四明, выслужил срок [полностью]. Поэтому и поселился жить там. В 1-й год [эры правления под девизом] Лунсин 隆興 (1163) [вновь] привлечен [на службу], [сдал на] степень классный цзиньши 進士第, был поочередно цзюань цзяоланом 左宣教郎, ведал [делами] сяньчэна 縣丞[уезда] Куншань 崑山, достиг [должности управляющего] уездом Цзяньинь 江陰, был тунпанем 通判 Цзичжоу 吉州, затем ведал Юэчжоу 岳州...»

當紹興甲戌之歲，監四明作院，秩滿。因寓居焉。擢隆興元年進士第，換左宣教郎，知崑山縣丞，歷江陰縣，通判吉州，遂知岳州.....

В административном районе был Департамент торговых кораблей, господин по совместительству занял этот [пост]. Не бывало даже одного предмета, купленного контрабандой, и люди также не осмеливались заниматься контрабандой. Из прибывших судов из Гаоли 高麗 (Корея – И.К.),

сперва [в этом Департаменте] остановилось [лишь] одно судно. На следующий год [их остановилось] 6–7...

軍有市舶務，公兼之。未嘗私買一物，人亦不敢干以私。高麗之至者，初止一艘。明年六七焉…… (18).

По приведенной части текста можно судить о том, что служба в Департаменте торговых кораблей представлялся важным этапом в биографии Чжао Шаньдая, поскольку эти сведения представлены более развернуто по сравнению с описанием предыдущих занимаемых должностей.

Наличие таких различий в эпитафиях двух чиновников, занимавших схожие должности, приоткрывает весьма любопытное направление для дальнейших исследований чиновничьих эпитафий средневекового Китая. В таком контексте особый интерес для авторов приобретают вопросы: какие сведения о контактах с иностранцами можно почерпнуть из эпитафий? Насколько характерно отражение этих сведений в эпитафиях как таковых? Способны ли эпитафии дополнить данные письменных источников в вопросах международных контактов средневекового Китая со своими соседями?

Заключение

Погребальная эпитафия Чжао Жугуа, текст которой был составлен его старшим сыном, Чжао Чунчжэнем, является одним из важных исторических источников, освещающих биографию этого значимого для истории человека.

Материалом для изготовления плиты послужил известняк. Сам памятник отшлифован с одной стороны и не содержит стертых или исправленных иероглифов, что свидетельствует о первичном использовании камня.

Объем всего текста составляет 630 иероглифов, что вписывается в средний диапазон текстов китайских средневековых эпитафий, но не позволяет отнести его к большим и объемным текстам. Около 57% текста источника содержит сведения о карьерном росте Чжао Жугуа, а лишь 8% о его похоронах.

Супруга Чжао Жугуа являлась местной аристократкой, происходившей из рода Чэнь, имевшим немалое влияние. Вероятно, такой брак способствовал укреплению имиджа рода Чэнь, а также мог быть выгоден самому Чжао. Чэнь Чэнчжи, родственник супруги Чжао, по всей видимости, являлся каллиграфом эпитафии Чжао.

В статье была предпринята попытка исследования биографии сына Чжао, Чунчжэня. Сведения, полученные из анализа дополнительных источников, скудны и не позволяют реконструировать полноценную биографию Чжао Чунчжэня. По всей видимости, его карьера была менее успешной, чем у его отца.

В качестве дополнительного источника в статье рассматривалась эпитафия отца Чжао Жугуа, Чжао Шаньдая. В этом источнике годы службы в Приказе торговых судов описаны более подробно, в отличие от эпитафии Чжао Жугуа. Такие особенности побуждают авторов обратиться к более широкому

кругу эпитафий людей, связанных с торговлей и поездками за границу, с целью более глубокого понимания данных источников.

Эпитафия Чжао Жугуа является типичной эпитафией родственника императорского клана эпохи Южной Сун. Нетипичные детали жизни Чжао Жугуа в источнике не отмечаются никак. Это соответствует специфике средневековых китайских погребальных эпитафий и формульному характеру изложения информации, однако не способствует более глубокому пониманию некоторых эпизодов жизни Чжао Жугуа, в частности о периоде службы в Приказе торговых судов и его отношений с сыном и супругой.

Приложение. Транскрипция текста эпитафии

先君諱汝适字伯可

太宗皇帝八世孫而

濮安懿王六世孫也曾祖諱士說保順軍節度使開府儀同三司安康郡王妣向氏夫人祖諱不柔承議郎通判潮州贈銀青光祿大夫妣郭氏大寧郡夫人考諱善待朝請大夫知岳州贈少保妣季氏衛國夫人先君生於乾道庚寅三月乙亥紹熙元年受少保遺澤補將仕郎二年銓中第一授迪功郎臨安府餘杭縣主簿慶元二年鎖試賜進士及第授修職郎五年循從政郎以應辦人使賞循文林郎六年知潭州湘潭縣丞開禧元年為紹興府觀察判官三年以奏舉改宣教郎嘉定二年知婺州武義縣五年轉奉議郎六年充……行在點檢贍軍激賞酒庫所主管文字八年任滿賞轉承議郎九年轉朝奉郎二月通判臨安府十一年四月丁衛國憂十三年轉朝散郎十五年

皇帝受寶恩轉朝請郎十六年知南劍州十七年轉朝奉大夫八月

上登極恩轉朝散大夫九月除提舉福建路市舶寶慶元年七月兼權泉州十一月兼知南外宗正事三年六月除知安吉州未上改知饒州紹定元年二月轉朝請大夫三年閏二月被旨兼權江東提刑以疾三上祠請三月依所乞主管華州雲臺觀四年

壽明仁福慈睿皇太后慶壽恩轉朝議大夫三月召……為主管官告院七月屬疾乞致仕丙申卒享年六十有二是年十月癸酉葬於臨海縣重暉鄉趙畧山之原娶陳氏獻肅詹事諱良翰之孫寶制侍郎諱廣壽之長女封恭人先卒一紀矣子二人崇績從事郎嚴州司戶參軍崇絢從事郎紹興府餘姚縣主簿孫必協將仕郎孫女尚幼先君端方凝重廉潔之操始終不渝教子以義方理學有法度居官所至有聲績而壽不百年哀痛罔極崇績等忍死襄人事未及丐銘於立言君子,敢敘世系官遷歲月書石以感諸幽孤哀子崇績泣升謹記

忝戚朝奉郎主管建昌軍仙都觀陳……成之……填諱……王紹祖刊

Примечания

- (1) В средневековом Китае размер могильной плиты варьировался от объема текста. Как правило, богатые семьи могли позволить оплатить создание дорогостоящей эпитафии для своих родственников. Это контрастирует с практикой создания схожих документов в средневековой Японии. Подробнее см. [5].
- (2) Внешний вид источника представляет собой типичную распространенную форму эпитафий. О других формах подробнее см. [12].
- (3) Эстампаж надписи см. в Приложении № 1.
- (4) Информация получена из личного общения с работниками городского музея г. Линьхай, там же и хранится эпитафия.
- (5) В средневековом Китае объем эпитафий мог колебаться от нескольких сотен слов до нескольких тысяч. Так, например, в эпитафии видного генерала Ван Чучжи 王處直 (863–923), жившего в конце империи Тан и в начале эпохи Пяти династий, объем текста составлял несколько тысяч иероглифов, тогда как текст эпитафии царицы Хунхуа 弘化 (622–?), которую выдали замуж за вождя государства Тогон для укрепления дипломатического союза двух государств, составлял всего 600 иероглифов и считался средним по объему. Подробнее см. [10; 17. P. 72; 8. P. 13]. Авторы статьи выражают глубокую признательность А. Шоттенхаммер за консультацию по этому вопросу.
- (6) Подробнее о видах пропусков см.: [17. P. 129–37].
- (7) См., например, эстамп надписи в: [10. P. 53].
- (8) Практика создания погребальных эпитафий была популярна у привилегированных слоев населения средневекового Китая, несмотря на свою дороговизну. Высокая цена за материал и объем текста вынуждала небогатую знатную прослойку китайского общества прибегать к использованию уже готовых известняковых плит, на поверхности которых располагались погребальные тексты ранее усопших предков. В ряде случаев существовавшие ранее тексты корректировались или вовсе стирались для нанесения надписей о только что усопших людях. Подробнее см., например, [11].
- (9) В публикации русского перевода погребальной надписи фраза «заполнил табуированные иероглифы» была первоначально неточно интерпретирована как «прославляет имя умершего предка». В данной статье этот перевод был уточнен.
- (10) Подробнее о практике заполнения табуированных иероглифов см.: [20. P. 59].
- (11) Как правило, только после этого по начертаниям резчик выбивал иероглифы долотом по начертанию.
- (12) Как, например, эпитафия Ван Чучжи.
- (13) Как отмечает Н. Такетт, для эпитафий эпохи Тан, расположенных в районе дельты р. Янцзы, было характерно упоминание данных процессов [8. P. 18].
- (14) Большинство эпитафий родственников императора в период южной Сун составлялись родными или друзьями семьи усопшего, отличались употреблением высокого слога, а также позиционированием жизни почившего в соответствии с конфуцианскими нормами эпохи Южная Сун [21. P. 93].
- (15) Такая ситуация подробно разбирается в статье А. Шоттенхаммер на примере отношений генерала Вана Чучжи с его сыном [10].
- (16) Дословно «соучастник, ведающий подворными [делами]», должность налогового инспектора и военного советника.

- (17) Яньчжоу – область в бассейне реки Цяньтан в западной части провинции Чжэцзян.
- (18) Перевод несколько подкорректирован по сравнению с ранее опубликованным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Колнин И.С. Биография Чжао Жугуа, автора важнейшего описания иноземных стран XIII в. // Общество и государство в Китае. 2019. № 49.
- [2] Kolnin I.S. Some thoughts on Zhao Rugua's biography and *Zhufan zhi*: translation and comparison of relevant fragments from various sources // Crossroads – Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World. 2019. Vol. 17.
- [3] Ульянов М.Ю. «Чжу фань чжи» («Описание иноземных стран») Чжао Жугуа – важнейший историко-географический источник китайского средневековья. Москва: Восточная литература, 2019.
- [4] Ditter A. The Commerce of Commemoration: Commissioned Muzhiming in the Mid-to Late Tang // Tang Studies. 2014. Vol. 34. P. 21–46. DOI: 10.1179/0737503414z.00000000012.
- [5] Родин С.А. Японские эпитафии-боси (VIII в.) // История и культура традиционной Японии 2 (Труды института восточных культур и античности, Вып. XXIX) / под ред. И.С. Смирнова. Москва: РГГУ, 2011.
- [6] De Groot J.J.M. The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions Connected Therewith. Vol. 3. Leiden: Brill, 1897.
- [7] Bossler B. Powerful Relations: Kinship, Status, and the State in Sung China (960–1279). Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1998. 372 p. DOI: 10.1163/9781684170234.
- [8] Tackett N. The Destruction of the Medieval Chinese Aristocracy. Cambridge: Harvard University Press, 2014. DOI: 10.1163/9781684170777.
- [9] Schottenhammer A. Grabinschriften in der Song–Dynastie. Heidelberg: Edition Forum, 1995.
- [10] Schottenhammer A. A Buried Past: The Tomb Inscription (Muzhiming) and Official Biographies of Wang Chuzhi (863–923) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2009. Vol. 52. DOI: 10.1163/156852009x405339.
- [11] Davies T. Entombed Epigraphy and Commemorative Culture in Early Medieval China: A History of Early Muzhiming. Leiden: Brill, 2015. DOI: 10.1163/9789004306424.
- [12] Fong M. Tang Line-Engraved Stone Reliefs from Shensi // Ars Orientalis. 1987. Vol. 17.
- [13] Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). Москва: Наука, 1984.
- [14] Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Москва: Наука, 1965.
- [15] Дмитриев С.В. Самый влиятельный христианин монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе // Общество и государство в Китае. 2005. № 35.
- [16] Сю Саньцзянь 徐三见. Чжэцзян Линьхайши фаянь Сундай Чжао Жугуа мучжи 浙江临海市发现宋代赵汝适墓志 (Обнаружение погребальной стелы с надписью сунского Чжао Жугуа в городе Линьхай, пров. Чжэцзян) // Каогу 考古. 1987. № 10.
- [17] Escher J.B. New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses // Journal of Asian history. 2019. Vol. 53. P. 55–96. DOI: 10.13173/jasiahist.53.1.0055.

- [18] *Mayers W.F.* The Chinese Government. A Manual of Chinese Titles, Categorically Arranged and Explained, with an Appendix. Shanghai: Kelly and Walsh, 1897.
- [19] *Papelitzky E.* Historical Geographical Texts of the Late Ming (1368–1644) and China's Maritime History. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Kultur- und Gesellschaftswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg, Salzburg, 2017.
- [20] *Adamek P.* Good Son is Sad If He Hears the Name of His Father: The Tabooing of Names in China as a Way of Implementing Social Values. Sankt-Augustin – Leeds: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315093475.
- [21] *Chaffee J.* Branches of Heaven: A History of the Imperial Clan of Sung China. Cambridge – Massachusetts – London: Harvard University Asia Center, 1999. DOI: 10.2307/j.ctt1tg5hvk.
- [22] *Оуян Сю 歐陽修.* Сун ши. Ди шисань цэ 宋史. 第十三册 [История [империи] Сун. 13-й том]. Шанхай: Ханьюй да цыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004.
- [23] *Hucker C.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford: Stanford University, 1985.

REFERENCES

- [1] Kolnin IS. Biografija Chzhao Zhugua, avtora vazhnejshego opisanija inozemnyh stran XIII v. [Biography of Zhao Rugua, the Author of the Most Important Description of the Foreign Countries in the 13th Century]. *Obshestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2019; (49). (In Russ.).
- [2] Kolnin IS. Some thoughts on Zhao Rugua's biography and *Zhufan zhi*: translation and comparison of relevant fragments from various sources // *Crossroads – Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World*. 2019; (17).
- [3] Ulyanov MYu. «Chzhu fan' chzhi» («Opisanie inozemnyh stran») Chzhao Zhugua – vazhnejshij istoriko-geograficheskij istochnik kitajskogo srednevekov'ja. [«Zhu fan zhi» («The Description of Foreign Countries») by Zhao Rugua – the Most Important Historical Geographical Source of Medieval China]. Moscow: Vostochnaja literatura, 2019 (In Russ.).
- [4] Ditter A. The Commerce of Commemoration: Commissioned Muzhiming in the Mid to Late Tang. *Tang Studies*. 2014; (34): 21–46. DOI: 10.1179/0737503414z.00000000012.
- [5] Rodin SA. Japonskie epitafii-bosi (VIII v.) [Japanese Epitaphs Boshi (8th c.)]. In: I.S. Smirnov, editor. History and Culture of Traditional Japan 2 (Works of Institute for Oriental and Classical Studies, Vol. XXIX). Moscow: RGGU; 2011. (In Russ.).
- [6] De Groot JJM. *The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions Connected Therewith*. Vol. 3. Leiden: Brill, 1897.
- [7] Bossler B. *Powerful Relations: Kinship, Status, and the State in Sung China (960–1279)*. Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1998. DOI: 10.1163/9781684170234.
- [8] Tackett N. *The Destruction of the Medieval Chinese Aristocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 2014. DOI: 10.1163/9781684170777.
- [9] Schottenhammer A. *Grabinschriften in der Song–Dynastie*. Heidelberg: Edition Forum, 1995.
- [10] Schottenhammer A. A Buried Past: The Tomb Inscription (Muzhiming) and Official Biographies of Wang Chuzhi (863–923). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2009; (52). DOI: 10.1163/156852009x405339.
- [11] Davies T. *Entombed Epigraphy and Commemorative Culture in Early Medieval China: A History of Early Muzhiming*. Leiden: Brill, 2015. DOI: 10.1163/9789004306424.
- [12] Fong M. Tang Line-Engraved Stone Reliefs from Shensi. *Ars Orientalis*. 1987; (17).

- [13] Kryukov MV., Malyavin VV., Sofronov MV. *Kitajskij etnos v srednie veka (VII–XIII vv.)*. [Chinese Ethnos in Medieval Times (VII–XIII cc.)]. Moscow: Nauka, 1984. 336 p. (In Russ.).
- [14] Munkuyev NTs. *Kitajskij istochnik o pervyh mongol'skih hanah. Nadgrobnaja nadpis' na mogile Eljuz Chu-caja*. [Chinese Source about the First Mongol Khans. Funerary Inscription on the Tomb of Yelü Chucai]. Moscow: Nauka, 1965. 224 p. (In Russ.).
- [15] Dmitriev SV. Samyj vlijatel'nyj hristianin mongol'skoj imperii. Problemy rekonstrukcii biografii inozemca na mongol'skoj sluzhbe [The Most Influential Christian of the Mongol Empire. Problems of Reconstruction of a Biography of a Foreigner at the Mongol Service]. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2005; (35). (In Russ.).
- [16] Xu Sanjian 徐三见. Zhejiang Linhaiishi faxian Songdai Zhao Rugua muzhi 浙江临海市发现宋代赵汝适墓志 [Discovery of an Entombed Epitaph of Zhao Rugua of the Song Dynasty in Zhejiang Province, Linhai City]. *Kaogu 考古*. 1987; (10). (In Chinese).
- [17] Escher JB. New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses. *Journal of Asian History*. 2019; (53). DOI: 10.13173/jasi-ahist.53.1.0055.
- [18] Mayers WF. *The Chinese Government. A Manual of Chinese Titles, Categorically Arranged and Explained, with an Appendix*. Shanghai: Kelly and Walsh, 1897.
- [19] Papeitzky E. *Historical Geographical Texts of the Late Ming (1368–1644) and China's Maritime History* [Dissertation]. Salzburg; 2017.
- [20] Adamek P. *Good Son is Sad If He Hears the Name of His Father: The Tabooing of Names in China as a Way of Implementing Social Values*. Sankt-Augustin – Leeds: Routledge, 2015. DOI: 10.4324/9781315093475.
- [21] Chaffee J. *Branches of Heaven: A History of the Imperial Clan of Sung China*. Cambridge – Massachusetts – London: Harvard University Asia Center, 1999. DOI: 10.2307/j.ctt1tg5hvk.
- [22] Ouyang Xiu 歐陽修. *Song shi. Di shisan ce 宋史. 第十三册* [History of the Song Dynasty. Vol. 13]. Shanghai: Hanyu dacidian chubanshe 漢語大詞典出版社, 2004. (In Chinese).
- [23] Hucker CO. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford: Stanford University, 1985.

Информация об авторах / Information about the authors

Зайцев Иван Алексеевич – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: gorniy_strannik@mail.ru.

Колнин Илья Сергеевич – лаборант-исследователь Отдела Китая ИВ РАН; магистрант Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики», e-mail: minmi98@yandex.ru.

Zaitsev Ivan Alexeevich – postgraduate student at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: gorniy_strannik@mail.ru.

Kolnin Ilya Sergeevich – research assistant at the Chinese department of IOS RAS; magister student at the National Research University “Higher School of Economics”, e-mail: minmi98@yandex.ru.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 08.07.2020